

КОНЦЕПТ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Кошляков Дмитрий Михайлович – соискатель. Институт философии РАН. Старший преподаватель. Брянский государственный технический университет. Российская Федерация, 241035, г. Брянск, бул. 50 лет Октября, д. 7; e-mail: dmkossh2012@yandex.ru

Швырков Александр Иванович – кандидат философских наук, доцент. Брянский государственный технический университет, Российская Федерация, 241035, г. Брянск, бул. 50 лет Октября, д. 7; e-mail: aishvyrkov@rambler.ru

В статье показано, что даже витгенштейновское определение понятия не всегда достаточно для анализа того, что происходит в науке и с наукой. И что вследствие этого помимо понятия философии науки необходимы принципиально иные инструменты. В качестве одного из претендентов на такую роль было рассмотрено понятие концепта. В результате краткого исторического анализа употребления термина «концепт» были выявлены две основные его трактовки в философии и конкретных науках. В соответствии с первой концепт предстает в качестве либо альтернативы, «двойника» понятия, либо некоего парного к понятию образования. В соответствии со второй концепт – это некое «странное понятие», существующее среди «нормальных» понятий. Поскольку в разных науках и в философских системах концепт понимается по-разному, говорить о возможности дать некое генерализованное определение концепта не приходится. Поэтому введение понятия концепта было осуществлено через анализ некоего глобального процесса, связанного с возвращением в науку метафизики. В результате в качестве концепта была определена семантическая конструкция, обозначающая непознанное (и, возможно, принципиально непознаваемое) и обеспечивающая возможность работы с этим непознанным (непознаваемым). В силу способа введения понятия концепта в философию науки многие понятия, которые в конкретных науках рассматриваются в качестве концептов, с точки зрения данного определения концептами не являются.

Ключевые слова: понятие, концепт, непознаваемое, метафизика, философия науки, наука

CONCEPTION AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Dmitry M. Koshlakov – PhD Student. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Senior lecturer. Bryansk State Technical University.

The authors try to show that even Wittgensteinian definition of concept is not always sufficient to analyze what really happens in science. As a result, in addition to “concept” we propose “conception” as a new promising tool for philosophy of science. We provide a brief historical analysis of this term and reveal two main interpretations of “conception” in philosophy and scientific disciplines. In accordance with the first view, conception appears as

50-letiya Oktyabrya boulevard,
Bryansk, 241035,
Russian Federation;
e-mail: dmkosh2012@
yandex.ru

Alexander I. Shvyrkov – PhD
in Philosophy, associate
professor.
Bryansk State Technical
University.
50-letiya Oktyabrya boulevard,
Bryansk, 241035,
Russian Federation;
e-mail: aishvyrkov@rambler.ru

either a “twin” of the concept, or a pair entity to the concept. According to the second view, conception is a kind of “strange concept” that exists among “normal” concepts. Since conception is understood differently in sciences and philosophical systems, it is not possible to give a generalized definition of conception. That is, it is impossible to formulate this definition, so to speak, inductively. Moreover, even if it was possible, such a definition would not necessarily have to be automatically accepted by philosophy of science. That is why the introduction of a concept of conception was carried out through the analysis of a global process associated with the return of metaphysics to science. We define conception as a semantic construction denoting the unknown (and, possibly, fundamentally unknowable) and ensuring the possibility of working with this unknown (unknowable). By virtue of the way conception was introduced (conception is not a “generalization” of the interpretations available in specific sciences) many conceptions that are considered as conception in specific sciences turn out to not be conceptions within this definition. Thus, the article interprets conception as a new possible tool of philosophy of science, which is aimed at understanding how specific sciences develop.

Keywords: concept, conception, unknowable, metaphysics, philosophy of science, science

Введение в проблему

Как сказано в недавней статье И.Т. Касавина и В.Н. Поруса, «будущее философской эпистемологии связано с реформированием ее концептуального аппарата, методологического арсенала и проблемного поля. Это относится ко всем системообразующим понятиям и методологическим принципам: необходимо вливание нового смыслового содержания в то, что называется “истинной”, “объективностью”, “рациональностью”, “реальностью” и т.д.» [Касавин, Порус, 2018, с. 19].

В данной статье мы, следуя этому выводу, попытаемся показать, что помимо понятия *понятия* в философию науки следует ввести понятие *концепта* (что именно под ним понимается – см. ниже). Связано это с тем, что даже такой *широкой* трактовки понятия, как у Л. Витгенштейна, недостаточно для того, чтобы успешно решать те задачи, которые должна решать философия науки. То есть речь идет о том, чтобы оснастить эту последнюю еще одним *инструментом* (аналогично парадигме, научно-исследовательской программе и т.п.).

Говоря о Витгенштейне, мы, разумеется, в первую очередь имеем в виду его «Философские исследования», а именно тот фрагмент, где он иллюстрирует свое понимание понятия (в частности, на примере *игры*) [Витгенштейн, 2003, с. 265–267].

Напомним, что, согласно Витгенштейну, не существует понятия в том смысле, в каком его понимал Аристотель, т.е., понятия как совокупности неотъемлемых свойств соответствующего предмета –

например, игры (причем только игры!). Хотя обсуждение некоторых свойств, которые присущи ряду игр, помогает научиться пользоваться соответствующим термином, не существует характеристик, одновременно применимых ко всем элементам некоторого класса и только к ним. Мы можем пользоваться таким понятием, как «игра», поскольку то, что мы видим, обнаруживает существенные семейные сходства с рядом действий, которые мы раньше научились называть данным именем. То есть для Л. Витгенштейна игра составляет естественную группу, установленную благодаря сети частично пересекающихся и совпадающих свойств. Существование такой сети вполне достаточно для того, чтобы мы могли успешно пользоваться тем или иным понятием.

Прежде всего обратим внимание на само то понятие, которое использует Витгенштейн («игра»). Нет сомнения, что все те «объекты», которые мы называем играми, для нас являются вполне понятными. То есть мы всегда можем сказать, в чем смысл той или иной игры, каковы ее правила, кто может в ней участвовать и т.д. Да, у нас могут возникнуть проблемы с тем, отнести ли ту или иную деятельность, для нас новую, к играм, но, как правило, после некоторых размышлений и исследований мы всегда сможем прийти к некоторому вполне конкретному результату.

То есть то, что исследует Витгенштейн, и то, что он считает проблемой, – это не описание того или иного объекта (игры), а то, почему так получается, что вроде бы различные виды деятельности мы почему-то обозначаем одним и тем же словом («игра»). А также то, почему мы *имеем на это право* в отсутствии некоего общего определения соответствующего понятия¹.

Следует особо подчеркнуть, что, хотя может возникнуть такая ситуация, когда некто А пытается дать свое определение игры, а некто Б – свое, а также то, что эти определения будут не тождественны, это вовсе не будет означать, что с теми играми, которые известны им обоим и на основании анализа которых они дают свои альтернативные определения, есть какие-то проблемы в плане описания (и понимания) их, этих игр, правил, условий и т.п. Думается, что и тот, и другой прекрасно представляют себе, с каким материалом они имеют дело, различие же в определениях, скорее всего, возникает

¹ Осознание этой проблемы, как известно, привело к появлению во второй половине XX в. целого ряда теорий, призванных как-то разрешить соответствующие затруднения. Среди таковых прежде всего следует назвать *теорию прототипа* (prototype theory) [Rosch, Mervis, 1975; Rosch, 1978; Keil, 1989; Gelman, 2003], *теорию-теорию* (theory-theory) [Carey, 1985, 2009; Gopnik, Meltzoff, 1997; Keil, 1989], *концептуальный атоанизм* (conceptual atomism) [Fodor, 1998; Millikan, 2000]. Однако ни одна из них, ни все они в совокупности не решают проблемы определения понятий – или его отсутствия [Fodor, Lepore, 1996; Fodor, 1998].

от того, что «выборки», на основании которых эти определения даются А и Б, несколько (или существенно) отличаются друг от друга. То есть определение, данное А, может быть основано на анализе одного набора игр, а определение, данное Б, – другого. Отсюда и отличия определений, и возможный спор между А и Б (с точки зрения Витгенштейна – бессмысленный, поскольку дать общее определение игры в принципе невозможно, т.е., и то, и другое определения будут принципиально *неполными*)².

Итак, подытожим. Витгенштейн, очевидно, рассматривает проблему, которую условно можно назвать проблемой классификации (категоризации – в западном варианте) *известного*. То есть проблему, связанную с классификацией некоторого вполне известного, хорошо описанного набора (наборов) вещей, явлений, деятельности и т.д., подведения этого набора (наборов) под *одно* понятие. Другими словами, речь идет о проблемах, так сказать, «второго этажа» в условиях, когда с «первым» особых проблем уже нет.

Порождает ли такая ситуация «второго этажа» важные эпистемологические проблемы? Безусловно. Следует ли отказаться от «второго этажа»? Не думаем. Однако достаточно ли так трактуемого понятия для осмысления прежде всего *научной* деятельности (чем занимается, в частности, философия науки). Полагаем, что нет. Однако в каком же случае его недостаточно? В том, когда исследователь работает с тем (мы бы даже сказали – *вынужден* работать), что *еще не познано*. Поясним последнюю мысль.

Предположим, есть некое понятие, которое ученый вынужден использовать в своих исследованиях, построениях, но точного общепринятого определения которого не существует. Причем его не существует не в том смысле, в котором у Витгенштейна не существует точного определения понятия игра, а в ином. В каком же именно?

Как мы помним, у Витгенштейна в случае игры (игр) в каждом конкретном случае, когда мы имеем дело с игрой, можно дать четкое описание соответствующей деятельности. То есть четко сказать, каковы правила той или иной игры, условия победы в ней (если победа в ней подразумевается правилами) и т.д. Однако что делать, если мы должны в своих построениях использовать понятие, относящееся к объекту (явлению, вещи и т.п.), достаточно полного *для данной научной области* (теории, направления исследований) описания которого у нас нет? Что делать, если у нас нет *консенсуса* (даже в рамках одного направления) по поводу данного объекта?

² Подобную ситуацию один из авторов наблюдал на недавней политологической конференции: участники одной из секций долго спорили по поводу того, что считать *империей* – и никак не могли прийти к общему знаменателю. И это притом что империй в истории человечества было настолько *мало*, что подобных проблем вроде бы уже не должно возникать.

В этом случае мы не можем дать определения данного объекта не только из-за тех трудностей, о которых говорит Витгенштейн, но и в некоем более существенном, более фундаментальном смысле. Более того, мы, пожалуй, можем подвести некие объекты под некое общее понятие (оправдывая свои действия рассуждениями Витгенштейна), но это вовсе не будет гарантировать, что в каждом конкретном случае мы сможем точно описать каждый данный объект.

Для примера рассмотрим понятие «интеллект».

Мы считаем, что любой человек в той или иной степени обладает интеллектом. Мы также считаем, что об интеллекте (какой-то его степени) можно вести речь в случае животных, птиц, рыб, насекомых. Мы говорим даже о некоем *коллективном* интеллекте. Некоторое право поступать таким образом (т.е., приписывать интеллект столь разным объектам) нам, очевидно, дает схема Витгенштейна (например, и люди, и животные способны обходить препятствия во время движения, общаться, некоторые животные, кажется, могут считать и т.д.: данные и другие сходные черты позволяют нам говорить, что и в случае человека, и в случае животных мы имеем дело с интеллектом). Однако можем ли мы сказать, что, например, в случае человека, мы понимаем, т.е., можем четко описать, что имеем в виду, говоря об интеллекте? Безусловно, нет. Мы можем лишь указать, каковы некоторые составляющие интеллекта, причем слабо представляя, стоит ли за ними некая общая инстанция или за реализацию тех или иных функций, связываемых нами с интеллектом, отвечают разные «органы» и т.д. и т.п.

То есть мы называли интеллектом некий набор действий, способностей, первоначально выделенный и описанный в случае человека. Потом, наблюдая у других живых существ сходные способности, мы решили, что и в этом случае мы имеем дело с интеллектом. При этом сказать, как именно «устроен» интеллект того или иного живого существа, мы не можем.

Следует подчеркнуть, что тот или иной исследователь вполне может – ради каких-то своих, часто *технических*, целей – дать какое-то свое определение интеллекта, однако и он сам, и другие ученые будут прекрасно осознавать, что подобное определение ни в коей мере не является ни исчерпывающим, ни окончательным.

Другой пример ситуации, подобной только что описанной (только, пожалуй, более классической), имеем в физике, где понятия *материи, пространства, времени* демонстрируют те же особенности, которые мы наблюдаем в случае интеллекта.

Итак, подводя некий промежуточный итог, можно сказать, что рассуждения Витгенштейна, скорее всего, вполне успешно решают *логическую* проблему общего определения понятия (точнее, *отсутствия* такого определения), но не решают проблему, так сказать, *эпистемологическую*. Поясним, что именно мы понимаем под таковой.

Как уже было показано на примере понятия интеллекта, ученые часто вынуждены в своих построениях пользоваться такими понятиями, для которых не существует не только классического определения, но даже определения по Витгенштейну³. Почва, на которой стоит исследователь, становится особенно шаткой в том случае, когда в ходе его построений он вынужден на подобном понятии, исходя из него, конструировать другое понятие. Для понятия интеллект таким, можно сказать, уже классическим примером является понятие *искусственного интеллекта*. Как быть в этом случае? Богатая литература – в том числе и отечественная (обзор см., в частности, в [Швирков, 2006]), – посвященная проблеме искусственного интеллекта, предоставляет немало примеров схем, позволяющих, что называется, «выкрутиться» в том или ином конкретном случае. Однако у ученых и философов было бы куда больше уверенности – при столкновении с подобными затруднениями, – если бы нам удалось разработать аппарат достаточно строгий и достаточно общий, который бы позволял работать с такими понятиями. Работать, так сказать, не оглядываясь все время на свои основания и не изобретая каждый раз особые «оправдания» использования столь специфических понятий.

Понимаемую таким образом проблему мы и называем эпистемологической проблемой определения понятия.

Попытаться решить данную проблему мы предлагаем с помощью введения особого *эпистемологического объекта* – *концепта*.

Концепт в истории. Концепт в философии и науке

Впервые в европейской философии термин «концепт» возникает в Средние века. В частности, в связи с попыткой решить проблему универсалий [Неретина, 1994]. От этого термина происходит название одного из направлений в средневековой философии – *концептуализма*, провозвестником которого был П. Абеляр.

Средневековые схоласты восприняли от философов Античности проблему, суть которой состояла в том, *что* считать истинной реальностью – общую идею вещи (ту самую универсалию) или саму вещь. *Реалисты* полагали, что первичны общие идеи, а не конкретные вещи; *номиналисты* – что и род, и виды – просто слова, реальны же только обозначаемые ими конкретные вещи. П. Абеляр

³ «Определение по Витгенштейну» следует понимать в строгом смысле, т.е. так, что можно дать четкое описание каждого конкретного объекта, подводимого под некоторое понятие.

же утверждал, что универсалии действительно существуют, но только в уме (душе) человека. Так, в разуме может существовать идея дерева, соотнося вещь с которой разум решает, является ли она деревом. С одной стороны, дерево – это нечто большее, чем просто слово, звук с совершенно произвольным значением (как у номиналистов), а с другой – оно не имеет иной реальности кроме как через связь с конкретными вещами. Такую идею разума Абельяр и называет концептом.

Как известно, и судьба самого П. Абеляра, и судьба его идей сложились печально. Он был осужден двумя церковными соборами, его имя и труды были преданы забвению.

В Новое время интерес к концепту как к некому объекту, схожему с понятием, но ему не тождественному, если и возникал, то эпизодически. Как указывают С.С. Неретина и А.П. Огурцов, еще И. Канту было свойственно различение понятий и концептов [Неретина, Огурцов, 2011, с. 175–179], однако уже в посткантианской философии это различение все более и более стирается.

Ситуация начинает меняться в конце XIX – начале XX в., когда термин «концепт» все более активно входит в философский оборот.

Одним из первых, кто в XX в. заговорил о концепте, был русский религиозный философ С.А. Аскольдов. По С.А. Аскольдову, концепт – это «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1928, с. 31]. К сожалению, идеи С.А. Аскольдова на несколько десятилетий были забыты. В научный оборот их уже в постсоветское время ввел (точнее, вернул) Д.С. Лихачев [Лихачев, 2015].

Обратились к понятию концепта логика и аналитическая философия, прежде всего в связи с такими значимыми для них проблемами, как концептуальный анализ и проблема концептуальных каркасов [Филатов и др., 2009, с. 161]. Логическая семантика, как отмечает С.Г. Воркачев, под влиянием Г. Фреге, А. Чёрча, Р. Карнапа, У. Куайна пошла по пути «расслоения» понятия на классические «объем» и «содержание», «экстенционал» и «интенционал», «денотат» и «сигнификат», «значение» и «смысл» и присвоения имени «концепт» второму члену пары» [Воркачев, 2004, с. 15].

Важное направление актуализации понятия концепта связано с исследованиями, находящимися на границе философии и лингвокультурологии. Одним из идеологов этого направления был Ю.С. Степанов [Степанов, 2007].

Еще одним важным направлением актуализации понятия концепта стала постструктуралистская философия. Сошлемся в этой связи на книгу Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Что такое философия?» [Делез, Гваттари, 2009], один из наиболее явных посылов которой состоял в том, что философия есть *творчество концептов*. Менее

явный, вытекающий из контекста и прямо не сформулированный (но, пожалуй, не менее важный, чем первый) посыл состоял в том, что концепты – это не *вполне понятия* (или не вполне *традиционные* понятия). Именно поэтому русский переводчик и перевел французское «le concept» как концепт, а не как понятие [Зенкин, 2009, с. 183–184].

Обращение к концептам произошло не только в философии (включая эпистемологию [Микешина, 2002, с. 502–526]), но и в конкретных науках (см., в частности, [Ефремов, 2009]).

В когнитивных науках концепт трактуется в качестве базовой единицы ментальных или вообще психических потенциалов сознания, связанных с широко трактуемыми познавательными процессами. В когнитивных науках концепт стал своего рода «метапонятием» для самых разных когнитивных объектов, включая слова, образы, схемы и т.п.

Эпистемологический смысл когнитивистского понимания концептов обусловлен тем, что мышление и творчество следует рассматривать не как «простое оперирование абстрактными категориями (понятиями)», а как нечто, задействующее «более широкий спектр когнитивных возможностей человека», включая дорефлексивный опыт, религиозные представления, интуицию, предрассудки и т.п. [Микешина, 2002, с. 501–502; Филатова, 2007, с. 13–14, Antonovskiy, 2015].

В лингвистических исследованиях концепт уподобляют представлению, наивному понятию, хотя и не отождествляют с ними, в том числе полагая, что концепт в существенной мере репрезентирует ассоциативное поле связываемого с ним слова [Масалова, 2007, с. 22].

На стыке лингвистики и культурологии возникло лингвокультурологическое понимание концепта [Schleiermacher, 2018]. Выступая в роли «базовой эвристической единицы» лингвокультурологии [Воркачев, 2012, с. 4], концепт среди прочего позволяет обращаться к осмыслению этнических и национальных культур, субкультур и т.п.

В политологии возникло направление, получившее название политической концептологии. Среди ее задач метатеоретический анализ ключевых политических концептов (таких как политика, власть, свобода, государство, суверенитет, республика, демократия, революция и т.п.) [Макаренко, 2009, с. 83–84].

Также понятие концепта использует социология, в частности, при построении программы социологических исследований [Barash, 2018; Luhmann 2017; Momdzhyan, 2016].

Следует обратить внимание на несколько моментов, вытекающих из нашего обзора.

1. Термин «концепт» «имеет хождение» не только в конкретных науках, но и в философии. Поэтому важно всегда помнить, с каким

именно концептом мы имеем дело – то ли с концептом из философии, то ли из конкретных наук.

2. Существуют *две* фундаментальные точки зрения на концепт. Первая подразумевает, что концепт – это некое «затесавшееся» среди понятий «странное понятие», которое хотя на самом деле и не является понятием, но *выглядит* как понятие (как, например, концепт у Делеза и Гваттари, или в политологии).

Второе понимание концепта, как кажется, более раннее, уходит корнями в воззрения Абельяра и подразумевает, что концепт – это некая альтернатива понятию, нечто, что не является понятием, но в определенной *эпистемологической ситуации* играет роль, в чем-то напоминающую ту роль, которую играет понятие. Несколько иной вариант – концепт выступает *наряду* с понятием (т.е., с каждым термином одновременно соотносится и понятие, и концепт – как, например, у С.А. Аскольдова).

3. В разных науках (выступающих объектом исследований философии науки) термин «концепт» часто имеет *разные* значения [Pruzhinin et al., 2017]. Утверждать, что все они так или иначе происходят из одного источника, вообще говоря, нельзя. Соответственно, нельзя утверждать, что может быть получено некое генерализованное определение концепта, являющееся результатом обобщения тех смыслов, с которыми соответствующий термин связывается в разных науках. Данное генерализованное определение, очевидно, могло бы послужить основой для выработки определения концепта в сфере философии науки. Другими словами, между пониманием концепта в философии науки и частными определениями, даваемыми конкретными науками, может не быть (и, скорее всего, не будет) четко прослеживаемой связи. То есть то, что мы будем считать концептом в философии науки, той или иной конкретной наукой в качестве концепта может и не рассматриваться. Более того, в данной науке соответствующий термин может вообще *не использоваться*.

Таким образом, введенное ниже определение концепта будет «произведением» исключительно философии науки и введено оно будет для решения задач философии науки. К введению этого понятия мы теперь и переходим.

Концепт и метафизика

Как было сказано выше, поскольку в разных науках концепт толкуется по-разному, дать его генерализованное, т.е., *индуктивное* определение не представляется возможным. Однако даже если бы это и было возможно, такое определение совершенно необязательно должно было бы автоматически приниматься философией науки в качестве

«своего». То есть необходимо было бы еще показать, что такое генерализованное определение действительно удовлетворяет ее целям и задачам.

Поэтому мы пойдем несколько иным путем – не непосредственно от толкований термина «концепт» конкретными науками, а через анализ некоего глобального процесса, связанного с трансформацией нашего представления о науке, процесса, одним из моментов которого, скорее всего, является учащение случаев использования данного термина.

Многие философы [Иванов и др., 2011; Ратников, 2007], а также некоторые философски мыслящие ученые [Владимиров, 2011; 2017; Захаров, 2011] отмечают, что сегодня мы наблюдаем своего рода *возврат метафизики в науку*. Речь идет о том, что при определенных обстоятельствах ученые в своих размышлениях могут выходить на, так сказать, *метафизический план*, или, точнее, *вынуждены* выходить на такую трактовку тех или иных понятий, которая будет очень похожа на свойственную метафизике. Это, вероятно, становится возможным благодаря тому, что, несмотря на довольно большую степень самостоятельности сфер философии и науки, их границы не являются абсолютно непроницаемыми. Что, впрочем, неудивительно, учитывая, что все науки так или иначе выросли из философии.

Возможна также несколько иная интерпретация связи науки и метафизики. Суть ее в том, что и философия, и наука, возможно, существуют в некоем едином пространстве, поле смыслов, дискурсов и т.п., причем это пространство пронизывается некими «сквозными» элементами, «нервюрами», скрепляющими его, делающими его чем-то целостным, единым. Да, и философия, и наука трактуют эти элементы по-разному, но элементы-то остаются одними и теми же!

Эти элементы – это как раз и есть те «объекты», «эпистемологические сущности», на которые следует обратить внимание философии науки и которые мы предлагаем назвать концептами.

Однако что это за сущности, каковы их признаки?

Вообще говоря, можно было бы сразу их указать, введя затем определение концепта *волюнтаристически*. То есть просто сформулировать, что мы будем считать таковым. Дальнейшее успешное использование так понимаемого концепта послужило бы достаточным оправданием введенному определению. Однако нам показалось более интересным представить ту цепочку рассуждений, которая в конце концов привела нас к этому определению. Эти рассуждения, естественно, нельзя рассматривать как сколько-нибудь строгий его вывод. Скорее они служат примером того, какими иногда причудливыми путями ходит научное познание.

Как уже было сказано, один из первых случаев использования термина «концепт» мы находим у П. Абеляра. Абельяр, вводя понятие концепта, занимался толкованием Аристотеля, его трактатов по логике.

Но надо помнить, что аристотелевская логика – это скорее *метафизика*, чем собственно логика. Поскольку Абеляр был средневековым философом, метафизика Аристотеля у него была также одобрена *теологией*. Вернее так: любой анализ метафизики Аристотеля в средневековой философии всегда погружен в теологию, проводится в пространстве теологии. Без учета этого момента адекватно воспринять идеи средневековых философов просто невозможно. То есть для средневековой философии метафизика – в форме логики или в иной форме – это всегда учение об отношениях с *сакральным, потусторонним*. Проблема универсалий – это проблема отношений мира земного с Богом, божественным разумом. Это также проблема отношения к непознаваемому – коль скоро Бог непознаваем.

Концепт (абеляровский), разумеется, также должен рассматриваться в этом контексте, т.е., в связи с обращением к сакральному, потустороннему, непознаваемому – в связи с необходимостью как-то с ним, непознаваемым, *обойтись*. Именно в этом (как-то обойтись с непознаваемым) – цель метафизики вообще.

Позитивизм затратил немало усилий на то, чтобы изгнать из науки метафизику, в частности метафизические понятия. Эстафету позитивизма принял неопозитивизм. Вероятно, некоторые направления аналитической философии следует рассматривать с точки зрения продолжения атаки на метафизику.

Однако, в конце концов, мы начинаем осознавать, что нам никак – даже в науке – не обойтись без «потустороннего», что необходим инструментарий, позволяющий с ним работать. Это осознание и подвигло нас на то, чтобы ввести в оборот философии науки то понятие концепта, которое приведено ниже.

Итак, под концептом мы понимаем семантическую конструкцию [Lektorskiy, 2008], указующую, обозначающую, *позволяющую говорить* о непознанном (и, возможно, *принципиально непознаваемом*) и предполагающую, обеспечивающую возможность работы с этим непознанным (непознаваемым).

Таким образом, концепты призваны обеспечить возможность говорить о том, о чем логический позитивизм, апеллируя к Витгенштейну, предлагал молчать и о чем молчать человек никогда не умел – да и не хотел (чему сам Витгенштейн служит прекрасным доказательством [Медведев, 2010]).

Концепт обозначает, указывает на то, «внутрь» чего мы не можем проникнуть, на «черные дыры» в наших представлениях.

Однако что же это за потустороннее, на которое указывает так понимаемый концепт? Бог? Отчасти. Но не только. Как писал один из авторов настоящей статьи, аналогичную роль может играть и понятие *реальности* [Швырков, 2016].

Концептами будут также время, пространство, материя, разум (интеллект – если он фактически выступает в качестве синонима

разума). Вообще, все то, чему нельзя дать адекватное определение в терминах «этого мира». Что скорее само определяет мир, чем определяется им.

Приведенное определение концепта – на наш взгляд, вполне адекватное – тем не менее, не позволяет легко идентифицировать встречающиеся нам на страницах ученых текстов концепты. Хотелось бы иметь более инструментальный критерий. В качестве такого критерия можно указать тот, в соответствии с которым в определении любого концепта всегда будет наличествовать либо *явный или скрытый круг* (типа пространство – это *вместилище* всего), либо отсылка к «потустороннему» (типа время – это «априорная форма созерцания»)⁴.

Некоторое число концептов отсылает к некоей неоспоримой в своем существовании *реальности*. Концепт ее называет, обозначает, но, в отличие от классического понятия, ассоциируется не с *пóнятым* (поэтому концепт и не *понятие*), а с непóнятым, отграничивает сферу, зону непонятого (а возможно, и непонимаемого в значении *непостижимого*). В этом смысле концепт – это *антипонятие*.

Однако концепт может относиться и к тому, что «не дано нам в ощущениях». Например, как уже говорилось, к Богу.

Итак, на этом пока закончим. Отметим лишь, что дальнейший интерес представляет соотнесение приведенного выше определения концепта с теми значениями, которые имеет данный термин в конкретных науках и философских текстах. Можно предположить, что такая работа сулит интересные находки. Также перспективной является разработка схем применения концепта, как он понимается в этой статье, для анализа происходящего в сфере конкретных наук.

Резюме

Мы начали с попытки показать, что даже по-витгенштейновски понимаемого понятия не всегда достаточно для науки, для анализа того, что происходит в науке и с наукой. И что вследствие этого нам помимо понятия необходимы принципиально иные инструменты.

В качестве одного из претендентов на такую роль мы назвали *концепт*.

Далее мы совершили небольшой экскурс в историю соответствующего термина, рассмотрели различные его толкования философией и конкретными науками.

⁴ В этом смысле концепты сродни *категориям*, как их понимал Аристотель. Однако не стоит путать концепты с *категориями*. Многие или, возможно, даже все категории являются концептами, но не все концепты – категории. Например, Бог, разум – это концепты, но не категории.

В ходе анализа мы выявили две основные такие трактовки.

В соответствии с первой концепт предстает в качестве либо альтернативы, «двойника» (иногда до тождества) понятия, либо некоего *парного* к понятию образования. В соответствии со второй концепт – это некое «странное понятие», «затесавшееся» среди «нормальных» понятий.

Поскольку в разных науках и в философских системах концепт понимается по-разному, говорить о возможности дать некое генерализованное определение концепта не приходится. То есть невозможно сформулировать данное определение, так сказать, *индуктивным путем*.

Более того, даже если бы это и было возможно, такое определение совершенно необязательно должно было бы автоматически приниматься философией науки в качестве «своего»: у нее, философии науки, свои цели, задачи и проч.

Поэтому мы пошли иным путем – не непосредственно от толкований термина «концепт» конкретными науками, а через анализ некоего глобального процесса, связанного с *возвращением в науку метафизики*.

В результате в качестве концепта мы определили семантическую конструкцию, указующую, обозначающую, *позволяющую говорить* о непознанном (и, возможно, *принципиально непознаваемом*) и предполагающую, обеспечивающую возможность работы с этим непознанным (непознаваемым).

В силу способа введения понятия концепта в философию науки (понятие концепта не является «обобщением» трактовок концепта, имеющихся в конкретных науках) многие понятия, которые в конкретных науках рассматриваются в качестве концептов, с точки зрения данного определения концептами *не являются*.

Так трактуемый концепт мыслится нами в качестве возможного нового инструмента философии науки, инструмента, направленного на осмысление того, что и как в происходит в конкретных науках.

Список литературы

Аскольдов, 1997 – Аскольдов С.А. Концепт и слово // Рус. речь. Новая серия. Вып. 2. Л., 1928. С. 28–44.

Витгенштейн, 2003 – Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 220–548.

Владимиров, 2011 – Владимир Ю.С. Фундаментальная теоретическая физика и метафизика // Метафизика. 2011. № 1. С. 88–105.

Владимиров, 2017 – Владимир Ю.С. Принципы метафизики и квантовая механика. Метафизика. 2017. № 1 (23). С. 8–32.

Воркачев, 2004 – *Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 192 с.

Воркачев, 2012 – *Воркачев С.Г.* *Anglica Selecta*: избранные работы по лингвоконцептологии. Волгоград: Парадигма, 2012. 205 с.

Делез, Гваттари, 2009 – *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009. 261 с.

Ефремов, 2009 – *Ефремов В.А.* Теория концепта и концептуальное пространство // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 104. С. 96–105.

Захаров, 2011 – *Захаров В.Д.* Метафизика и физика геометрических пространств // Метафизика. 2011. № 2 (2). С. 5–29.

Зенкин, 2009 – *Зенкин С.* Послесловие переводчика // *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.: Академический Проект, 2009. С. 281–286.

Иванов и др., 2011 – *Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю.* Метафизические основания современной науки // Метафизика. 2011. № 1. С. 154–168.

Касавин, Порус, 2004 – *Касавин И.Т., Порус В.Н.* Современная эпистемология и ее критики // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 8–25.

Лихачев, 2015 – *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // *Лихачев Д.С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2015. С. 493–505.

Макаренко, 2009 – *Макаренко В.П.* Политическая концептология: первые итоги разработки // Политическая концептология. 2009. № 1. С. 79–116.

Масалова, 2007 – *Масалова С.И.* Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: Трансформация от античности до Нового времени: автореф. ... д-ра филос. наук: 19.00.08. Ростов-на-Дону, 2007. 382 с.

Медведев, 2010 – *Медведев В.И.* Витгенштейн и трансцендентализм: стоит ли говорить о том, о чем говорить нельзя? // *Credo New*. 2010. № 4. URL: http://www.Intelros.ru/readroom/credo_new/credo_4_2010/7767-vitgenshtein-i-transcendentalizmstoit-li-govorit-o-tom-o-chem-govorit-nelzya.html (дата обращения: 10.12.2019).

Микешина, 2002 – *Микешина Л.А.* Философия познания. Полемиические главы. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 624 с.

Неретина, 1994 – *Неретина С.С.* Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра. М.: Гнозис, 1994. 216 с.

Неретина, Огурцов, 2011 – *Неретина С.С., Огурцов А.П.* Концепты политической культуры. М.: ИФРАН, 2011. 279 с.

Ратников, 2007 – *Ратников В.С.* Методологическое сознание современной науки: на пути к «мягкой» методологии // Культура народов Причерноморья. 2007. № 106. С. 96–99.

Степанов, 2007 – *Степанов Ю.С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

Филатов и др., 2009 – *Филатов В.П., Михайловский А.В., Никифоров А.Л., Игнатенко А.С.* Обсуждаем статью «Концепт» // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. XXII. № 4. С. 161–170.

Филатова, 2007 – *Филатова А.А.* Концепт как конституирующий элемент культуры (когнитивный подход): дисс. ... канд. филос. наук: 24.00.01, 09.00.01. Ростов-на-Дону, 2007. 179 с.

Швырков, 2006 – *Швырков О.И.* Проблема штучного інтелекту та людиновимірність штучних інтелектуальних систем: дисс. канд. філос. наук: 09.00.09. К., 2006. 170 л.

Швырков, 2016 – *Швырков А.И.* Политическая теория, дискурс и реальность: предварительный анализ взаимоотношений // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 66–79.

Carey, 2000 – *Carey S.* Science Education as Conceptual Change // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2000. No. 21 (1). P. 13–19.

Carey, 2009 – *Carey S.* The Origin of Concepts. Oxford: Oxford University Press, 2009. 608 p.

Fodor, 1998 – *Fodor J.* Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong. New York: Oxford University Press, 1998. 174 p.

Fodor, Lepore, 1996 – *Fodor J., Lepore E.* The Red Herring and the Pet Fish: Why Concepts Still Can't Be Prototypes // *Cognition*. 1996. No. 58. P. 253–270.

Gelman, 2003 – *Gelman S.* The Essential Child: Origins of Essentialism in Everyday Thought. Oxford: Oxford University Press, 2003. 392 p.

Gopnik, Meltzoff, 1997 – *Gopnik A., Meltzoff A.* Words, Thoughts, and Theories. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. 350 p.

Keil, 1989 – *Keil F.* Concepts, Kinds, and Cognitive Development. Cambridge, MA: MIT Press, 1989. 165 p.

Millikan, 2000 – *Millikan R.* On Clear and Confused Ideas. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 276 p.

Rosch, 1978 – *Rosch E.* Principles of Categorization // E. Rosch & B. Lloyd (eds.), *Cognition and Categorization*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27–48.

Rosch, Mervis, 1975 – *Rosch E., Mervis C.* Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories // *Cognitive Psychology*. 1975. No. 7. P. 573–605.

References

Antonovski, A.Yu. “Ponimanie i vzaimoponimanie v nauchnoi kommunikatsii” [Understanding and Mutual Understanding in Scientific Communication], *Voprosy filosofii*, 2015, no. 2, pp. 45–69. (In Russian)

Askol'dov, S.A. “Kontsept i slovo” [Concept and Word], *Rus. rech'. Novaya seriya* [Russian Speech. New Series], no. 2. Leningrad, 1928, pp. 28–44. (In Russian)

Barash, R.E., Antonovski, A.Yu. “O nauke Maksa Vebera: retseptsiya i sovremenost” [Max Weber on Science: Reception and Perspectives], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 4, pp. 174–188. (In Russian)

Carey, S. “Science Education as Conceptual Change”, *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2000, no. 21 (1), pp. 13–19.

Carey, S. *The Origin of Concepts*. Oxford: Oxford University Press, 2009, 608 pp.

Deleuze, G., Guattari, P.-F. *Chto takoye filosofiya?* [What is Philosophy?]. Moscow: Akademicheskii Proyekt, 2009, 261 pp. (In Russian)

Filatov, V.P. et al. Obsuzhdaem statyi o konstruktivizme [Discussing Articles on Constructivism], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2009, vol. XX, no. 2, pp. 142–156. (In Russian)

Filatova, A.A. *Kontsept kak konstituiruyushchiy element kul'tury (kognitivnyy podkhod)* [Conception as a Constituent Element of Culture (Cognitive Approach). PhD Thesis]: diss. kand. filos. nauk: 24.00.01, 09.00.01, Rostov-on-Don, 2007, 179 pp. (In Russian)

Fodor, J. *Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong*. New York: Oxford University Press, 1998, 174 pp.

Fodor, J., Lepore, E. "The Red Herring and the Pet Fish: Why Concepts Still Can't Be Prototypes", *Cognition*, 1996, no. 58, pp. 253–270.

Gelman, S. *The Essential Child: Origins of Essentialism in Everyday Thought*. Oxford: Oxford University Press, 2003, 392 pp.

Gopnik, A., Meltzoff A. *Words, Thoughts, and Theories*. Cambridge, MA: MIT Press, 1997, 350 pp.

Ivanov, A.V., Fotiyeva, I.V., Shishin, M.Yu. "Metafizicheskiye osnovaniya sovremennoy nauki" [Metaphysical Foundations of Modern Science], *Metafizika* [Metaphysics], 2011, no. 1, pp. 154–168. (In Russian)

Kasavin, I.T., Porus, V.N. "Sovremennaya epistemologiya i yeye kritiki" [Modern Epistemology and its Critics], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 4, pp. 8–25. (In Russian)

Lektorsky, V.A. et. al. "Konstruktivizm v epistemologii i naukakh o cheloveke (Materialy kruglogo stola)" [Constructivism in Epistemology and the Humanities. Materials of the Round Table], *Voprosy filosofii*, 2008, no. 3, pp. 3–36. (In Russian)

Keil, F. *Concepts, Kinds, and Cognitive Development*. Cambridge, MA: MIT Press, 1989, 165 pp.

Likhachev, D.S. "Kontseptosfera russkogo yazyka" [The Conceptual Sphere of the Russian Language], in: Likhachev, D.S. *Izbrannyye trudy po russkoy i mirovoy kul'ture* [Selected Works on Russian and World Culture]. Saint Petersburg: SPbGUP, 2015, pp. 493–505. (In Russian)

Luhmann, N. "Evolutsiya nauki" [Evolution of Science], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 52, no. 2, pp. 215–233. (In Russian)

Makarenko, V.P. "Politicheskaya kontseptologiya: pervyye itogi razrabotki" [Political Conceptology: First Results of Development], *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology], 2009, no. 1, pp. 79–116. (In Russian)

Masalova, S.I. *Filosofskie kontsepty kak regulativny gibkoy ratsional'nosti: Transformatsiya ot antichnosti do Novogo vremeni* [Philosophical Concepts as Regulators of Flexible Rationality: Transformation from Antiquity to Modern Times]: avtoref... d-ra filos. nauk: 19.00.08, Rostov-on-Don, 2007, 382 pp. (In Russian)

Medvedev, V.I. "Vitgenshteyn i transsentsentalizm: stoit li govorit' o tom, o chem govorit' nel'zya?" [Wittgenstein and Transcendentalism: Is It Worth Talking About What You Can Not Talk About?], *Credo New*, 2010, no. 4. [http://www.Intelros.ru/readroom/credo_new/credo_4_2010/7767-vitgenshteyn-i-transsentsentalizm-stoit-li-govorit-o-tom-o-chem-govorit-nelzya.html, accessed on 10.12.2019]. (In Russian)

Mikeshina, L.A. *Filosofiya poznaniya. Polemicheskiye glavy* [Philosophy of Knowledge. Polemic Chapters]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2002, 624 pp. (In Russian)

Millikan, R. *On Clear and Confused Ideas*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, 276 pp.

Momdzhyan, K. Kh., et.al. "Sistemno-teoreticheskii podkhod k ob'yasneniyu sotsial'noi real'nosti. Filosofskaya ili sotsiologicheskaya metodologiya?" [Systematic

Theoretical Approach to the Explanation of The Social Reality. Philosophical or Sociological Methodology?], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 1, pp. 17–42. (In Russian)

Neretina, S.S. *Slovo i tekst v srednevekovoy kul'ture. Kontseptualizm Abelyara* [Word and Text in Medieval Culture. Abelard's Conceptualism], Moscow: Gnozis, 1994, 216 pp. (In Russian)

Neretina, S.S., Ogurtsov A.P. *Kontsepty politicheskoy kul'tury* [Conceptions of Political Culture]. Moscow: IFRAN, 2011, 279 pp. (In Russian)

Pruzhinin, B.I. et al. "Kommunikatsii v nauke: epistemologicheskie, sotsio-kul'turnye, infrastrukturalnye aspekty. Materialy 'kruglogo stola'" [Communications in Science: Epistemological, Socio-Cultural and Infrastructural Aspects. Materials of the Round Table], *Voprosy filosofii*, 2017, no. 11, pp. 23–57. (In Russian)

Ratnikov, V.S. "Metodologicheskoye soznaniye sovremennoy nauki: na puti k «myagkoy» metodologii" [Methodological Consciousness of Modern Science: on the Way to a "Soft" Methodology], *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the Peoples of the Black Sea], 2007, no. 106, pp. 96–99. (In Russian)

Rosch, E. "Principles of Categorization", in: E. Rosch & B. Lloyd (eds.). *Cognition and Categorization*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1978, pp. 27–48.

Rosch, E., Mervis, C. "Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories", *Cognitive Psychology*, 1975, no. 7, pp. 573–605.

Stepanov, Yu.S. *Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii* [Conceptions. Thin Skin of Civilization]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007, 248 pp. (In Russian)

Schleiermacher, F. "Iz sochineniya 'Nechayannye mysli o dukhe nemetskikh universitetov'" [Gelegentliche Gedanken über den Universitäten in Deutschland], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 1, pp. 215–235. (In Russian)

Shvirkov, O.I. *Problema shtuchnogo intelektu ta lyudynovimirmist' shtuchnikh intelektual'nikh system* [The Problem of Artificial Intelligence and Man-madeness of Artificial Intelligence Systems]: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.09. Kiev, 2006, 170 p. (In Ukrainian)

Shvyrkov, A.I. Politicheskaya teoriya, diskurs i real'nost': predvaritel'nyy analiz vzaimootnosheniy [Political Theory, Discourse and Reality: A Preliminary Analysis of the Relationship], *Polis. Politicheskoye issledovaniya* [Policy. Political Studies], 2016, no. 5, pp. 66–79. (In Russian)

Wittgenstein, L. "Filosofskoye issledovaniya" [Philosophical Studies], in: *Yazyki kak obraz mira* [Languages as an Image of the World]. Moscow: AST; St. Petersburg: Terra Fantastica, 2003, pp. 220–548.

Vladimirov, Yu.S. "Fundamental'naya teoreticheskaya fizika i metafizika" [Fundamental Theoretical Physics and Metaphysics], *Metafizika* [Metaphysics], 2011, no. 1, pp. 88–105. (In Russian)

Vladimirov, Yu.S. "Printsipy metafiziki i kvantovaya mekhanika" [Principles of Metaphysics and Quantum Mechanics], *Metafizika* [Metaphysics], 2017, no. 1 (23), pp. 8–32. (In Russian)

Vorkachev, S.G. *Schast'ye kak lingvokul'turnyy kontsept* [Happiness as a Linguo-cultural Conception]. Moscow: Gnozis, 2004, 192 pp. (In Russian)

Vorkachev, S.G. *Anglica selecta: izbrannyye raboty po lingvokontseptologii* [Anglica Selecta: Selected Works on Linguoconceptology]. Volgograd: Paradigma, 2012, 205 pp. (In Russian)

Yefremov, V.A. “Teoriya kontsepta i kontseptual’noye prostranstvo” [Conception Theory and Conceptual Space], *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [News of A.I. Herzen Russian State Pedagogical University], 2009, no. 104, pp. 96–105. (In Russian)

Zakharov, V.D. “Metafizika i fizika geometricheskikh prostranstv” [Metaphysics and Physics of Geometric Spaces], *Metafizika* [Metaphysics], 2011, no. 2 (2), pp. 5–29. (In Russian)

Zenkin, S. “Poslesloviye perevodchika” [The Translator’s Afterword], in: Deleuze, G., Gvattari, F. *Chto takoye filosofiya?* [What Is Philosophy?]. Moscow: Akademicheskii Proyekt, 2009, pp. 281–286. (In Russian)